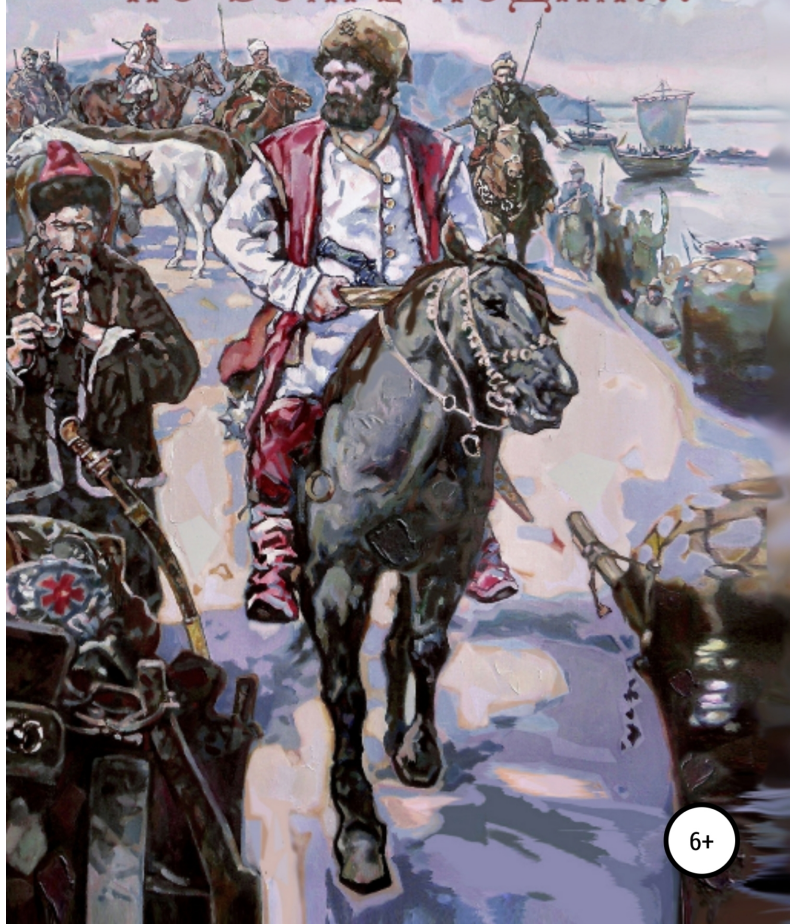

Илья Таранов
КАК СТЕНЬКА РАЗИН
ПО ВОЛГЕ ХОДИЛ...

Илья Александрович Таранов

Как Стенька Разин

по Волге ходил...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64146972

SelfPub; 2021

Аннотация

В этой повести описываются события народного бунта под предводительством Степана Разина. Ярко и точно представлены два главных противоположных образа: умного и дальновидного царя Алексея Михайловича и лихого, бесстрашного атамана Стеньки Разина. Героями книги, наряду с историческими личностями, выступают подростки: Гришка и Николка – крестьянские дети, Федька и Мишка – боярские. Дружба детей развивается на фоне похода разинского войска на волжские города. Описанная цепочка событий народного бунта с момента перехода казачьего войска с Дона на Волгу и взятия крепости-городка Царицына до казни лихого атамана на Лобном месте в Москве соответствует официальной русской истории. Автор не высказывает личного отношения к поступкам героев, оставляя их на суд читателям.

Содержание

Вступление	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	66
Глава 13	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Илья Таранов

Как Стенька Разин по Волге ходил...

Есть на Волге утёс, диким мохом оброс

Он с боков от подножья до края,

И стоит сотни лет, только мохом одет,

Ни нужды, ни заботы не зная...

(Стихотворение «Утёс Стеньки Разина» А.А. Навроцкий)

Вступление

Во времена царствования великого русского царя Алексея Михайловича в России произошёл народный бунт под предводительством Степана Разина. Донские казаки собрались в большое войско и начали промышлять разбоем в казачьих областях на Нижней Волге и Дону. Они захватывали купеческие караваны, крепости, грабили зажиточных горожан и привечали бедняков. Лихого казака не брала ни пуля, ни сабля. Слава о Степане Разине как добром и щедром атамане стремительно росла среди русского народа, отчего бежали к нему крестьяне и голытьба, обиженные притеснением воевод и обременённые барскими повинностями.

Собрав большое казачье войско, Степан Разин отправился на чужбину в Каспийское море, где наводил страх на персидские берега. Вернувшись на родной Дон, бесстрашный атаман с казаками засел в Кагальницком городке. Там они зимовали и ожидали весны, чтобы отправиться в новые походы.

С этого исторического момента начинается эта повесть, чтобы описать пытливому читателю крестьянский бунт во главе с казачьим атаманом, наречённым в русском эпосе атаманом-батюшкой Стенькой Разиным. Самому читателю оставляю право судить о поступках главных героев этой повести. Себе лишь позволю небольшой авторский вымысел,

ничуть не искажающий нашу великую и многострадальную историю.

Глава 1

Накануне Масленицы в солнечный мартовский полдень 1670 года, по ещё крепкому волжскому льду неспешно двигалась лошадь, запряжённая в крестьянские сани.

В санях на лежалой соломе в тёмном зипуне¹ сидел подросток лет десяти. Время от времени он по-мужицки уверенно и звонко кричал: «Но, дохлая! Но, родимая!»

Старая кобыла мотала головой и не спеша трусилась в сторону крутого заснеженного берега. На его вершине за бревенчатыми стенами симбирского кремля² сияли купола соборной церкви. С высоты сторожевой башни стрельцы следили за санями, которые, наконец, сошли со льда и поползли вверх по извилистой дороге. Первый караульный, в суконном кафтане и в шапке с меховым околышем сказал:

– Рыбак Кузьма везёт нашему воеводе свежую рыбицу.

– Ставлю пятиалтынный³, – ответил второй, – то рябой Гришка, сын его.

В час пополудни рыжая кобыла прошагала мимо гроз-

¹ Зипун – верхняя одежда у крестьян, представляет собой кафтан без воротника.

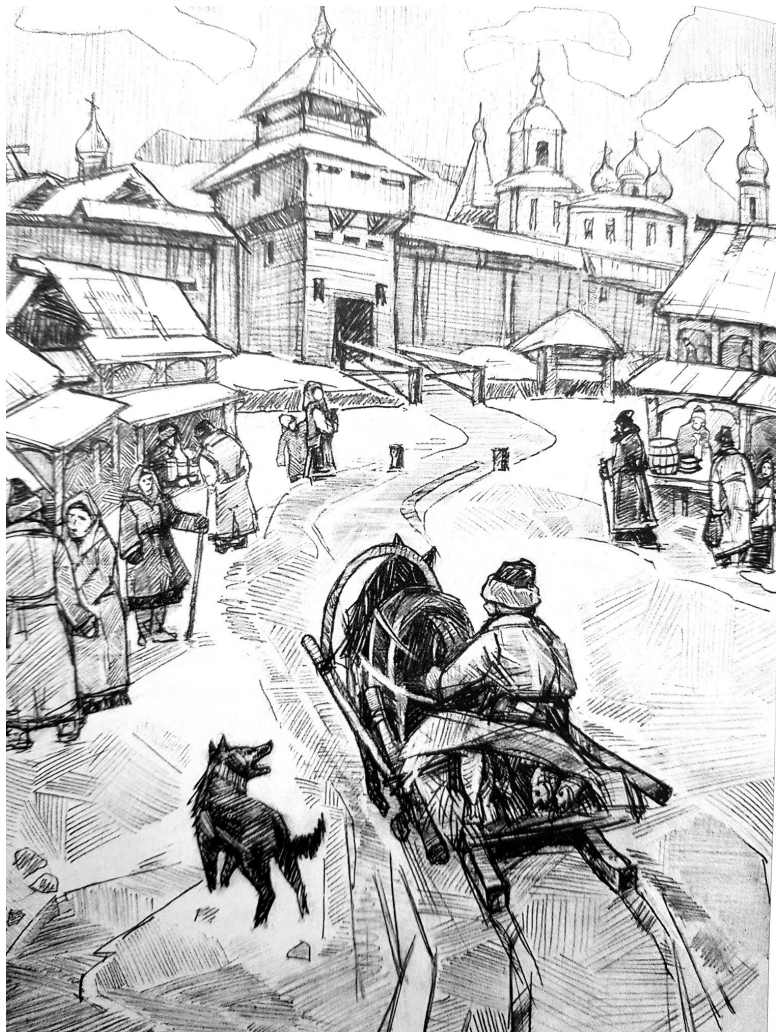
² Кремль – название городских укреплений в древней Руси; город, окружённый крепостной стеной с бойницами и башнями.

³ Пятиалтынный – пятнадцать копеек.

ных стрельцов с бердышами⁴, охранявших кованые въездные ворота крепости. Полозья скрипели по тяжёлому снегу, сани-розвальни миновали воеводский двор, завернули за конюшню и остановились между соляными погребами и бревенчатым ледником⁵.

⁴ Бердыш – холодное оружие в виде топора (секиры) с искривлённым, наподобие полумесяца, лезвием, насаженным на длинное древко.

⁵ Ледник – погреб со льдом или снегом.

– Тпру, дохлая, поворачивай оглобли! – звонко крикнул паренёк, натягивая вожжи. Он ловко спрыгнул с саней, снял овчинную шапку и поклонялся в пояс вышедшему навстречу приказному дьяку в чёрном кафтане.

– Доброго здравия, дядя Онуфрий!

Дьяк был высокого роста, худ и бледен.

– Гришка-разбойник пожаловал в симбирский кремль! – сердито буркнул он мальцу, заглядывая в сани. – А где сам старшой Кузьма?

– Батя на Волге. Ловля плоха, меня послал в город сдать улов, – Гришка боялся колючего взгляда дьяка и тупил глаза в землю.

– Вижу, окаянный! Ловля, вишь, плоха, поймали петуха, повели за ворота, там били до пота... – бурчал дьяк. – Сколько здесь?

– Пять пудов окуней, дядька Онуфрий, три пуда судариков⁶ да четверть щучьей породы, – бойко ответил Гришка. Дьяк усмехнулся:

– Ишь ты, щучьей породы! Тут и полчетверти не будет! Судачков-то не боле пуда! Вот прутом бы тебя отхлыстать! Господи, сохрани меня, грешного, – он отпер замок ледяного склада. – Заноси!

Подьячий Пронька и два служилых мужичка бросились считать и складывать рыбу в холщовые мешки.

⁶ Сударики – судаки.

Дьяк был доволен уловом, но его тощавое скуластое лицо ничего не выражало, кроме безразличия к этому солнечному ветреному дню.

– Езжай с богом, – сказал он Гришке с ехидной усмешкой, – да передай отцу, щучьей его породе: воевода наш, Иван Богданович, сердает, что мало рыбы ловит отцовская артель.

Гришка нахлобучил шапку и запрыгнул в сани:

– Но, дохлая! Но, родимая! Пошла!

Видимо, и лошади было не в радость находиться вблизи злобного дьяка, иначе бы она не взяла так резво с места галлопом. Гришка не ожидал такой прыти от рыжей клячи и свалился с саней, но не отпустил поводья.

– Тпру, дохлая! Стоять!.. Тпру!..

Глава 2

Лошадь встала, мотая головой и хвостом. Гришка с минуты лежал, крепко сжимая в руках вожжи, наконец, поднялся, осматривая порванный зипун. Шапка слетела с его головы.

– Смотрите-ка, Гришка рябой заблудился! – раздался весёлый смех.

Вокруг толпой стояли разруганные дворянские дети в добротных шубах и кожаных сапогах. Со стороны казалось, что они встретили старого приятеля.

– Он ищет дом воеводы! – воскликнул один из весёлой ватаги.

– Его ждут на званый обед! – посмеивались другие.

– Он приехал с грамотой от самого царя! – добавил кто-то, и все дружно засмеялись.

Гришка не обращал внимания на обидные подтрунивания. У него ныло плечо и учащённо билось сердце от пережитого испуга: не за себя, а за лошадь, которая могла понестись да свалиться в глубокий ров, окружающий стены кремля.

Здесь следует сделать отступление и рассказать, что города-крепости в те давние времена строились на высоких берегах для защиты Московского государства от набегов кочевников и охраны речного пути. Рубленая крепость и называлась кремлём.

Необыкновенный вид открывался с крутого берега на простор широкой Волги с замершими в ней островами, на крутые снежные берега, изрезанные оврагами, на дальние деревушки и селения. Но сейчас этой красоты Гришка не видел. Он потянулся за своей шапкой, но кто-то упредил его:

– А ну-ка, рябой, отбери!

Гришка кинулся было за ней, но шапка пошла по рукам

смеющихся подростков. Всю эту картину, начиная с того момента, когда лошадь зашла в ворота кремля, наблюдали стрельцы на сторожевой башне:

- Досталось сегодня нашему мальцу.
- Ставлю два алтына⁷, другим тоже достанется.
- Неужели!
- Гришка – сущий сорванец!
- Против Гришки целый отряд!
- Он себя не даст в обиду!
- Поглядим...

Когда шапка оказалась в руках самого маленького подростка, тот протянул её хозяину:

- Возьми, Гришка, холодно!

Но не тут-то было. Рослый мальчишка, которого звали Фёдор, с широким, как фарфоровое блюдо лицом, перехватил шапку:

- Мишка, размазня! Мы ещё не наигрались!
- Эй, рябой, езжай домой! – слышались выкрики.

Гришка нахмурился и двинулся вперёд.

- Дай ему, Федька! – засмеялись подростки.

Федька, выпячивая грудь, шагнул вперёд, а Гришка юркнул к его ногам, схватил обидчика за сапоги да потянул на себя. Фёдор запрокинулся, замахал руками, как пойманный за лапы гусь, повалился неуклюже на спину, взвизгивая и ругаясь по-бабьи. Бархатная шапка с бобровым околышем за-

⁷ Алтын – русская монета достоинством три копейки.

катила под лошадь. Рыжая оживилась, понюхала находку, но, не обнаружив в ней пользы для своего желудка, отвернула морду и нетерпеливо ударила копытом в снег, будто требовала от своего хозяина: «Заканчивай, Гришка, этот уличный балаган!»

Фёдор живо подполз на четвереньках к своей драгоценной шапке, схватил её и стремительнее кинулся прочь, вызывая бурный хохот своих же товарищей.

Гришка по-разбойничьи свистнул, сжал кулаки и всем своим видом дал понять, что сейчас же даст бой любому обидчику. Подростки попятились, один споткнулся, увлекая остальных за собой. Образовалась куча-мала, из которой неслись и визг, и хохот. Только Мишка молча стоял в стороне и с каким-то взрослым недоумением смотрел вокруг. Гришка поднял свою шапку и глянул на Мишку:

– Давай дружить!

Тот утвердительно кивнул. Гришка вытащил увесистый толстый гвоздь с набалдашником и протянул новому другу:

– Тебе!

Мишкины глаза загорелись: каждый мальчишка мечтал иметь собственную свайку⁸, а здесь настоящая, кованая.

Гришка с торжествующим видом забрался в сани:

– Но, родимая! Но, дохлая!..

Подростки с завистью рассматривала неожиданный пода-

⁸ Свайка – заострённый железный стержень длиной около 12 см с массивной головкой для одноименной игры.

рок: по какому случаю Мишке-тихоне досталась такая нужная вещица.

Караульные стрельцы на башне горячо обсуждали увиденное:

– Гришка себя не дал в обиду!

– А я что говорил? Показал свой характер.

– Казацкая у нашего Гришки кровь! Суший Стенька Разин! Говорят, лихой атаман всех в своё войско принимает.

– Тише ты, окаянный, никак сотник услышит, получим батогов⁹!

⁹ Батог – палка или прут для телесного наказания.

Глава 3

Гришка выехал из крепостных стен кремля, миновал казённые лавки, рубленые купеческие дома, харчевню, торговые ряды и постройки на заснеженных улицах посада. Рыжая лошадёнка за день утомилась и еле плелась. Гришка не торопил. У гончарной слободы его нагнал мальчишка в синем зипуне, в стоптанных лаптях и без шапки, проворно запрыгнул в сани и весело хлопнул ездока по спине:

– Здорово, Гришка!

– Здорово, Николка!

– Чуй, Гришка, дело спешное!

– Куда ж торопиться!

– На Масленицу посадские ребята будут биться с городскими. Приходи!

– Приду!

– Гришка, в прошлом году нас побили!

– Слыхал.

– В этом мы побьём!

– Побьём, ежели нас не побьют, – Гришка дружески толкнул плечом Николку. Тот ответил. Мальчишки начали весело бороться. Рыжая остановилась, размышляя, для кого так стараются молодцы. Навстречу в дорогих санях с резьбой и украшениями ехал купец. Скучные улицы посада клонили его в сон, а тут такое зрелище!

– Эй, петушинный народ! Чего меж собой не поделили! – рявкнул он.

– Чуй, дяденька, на Масленицу будем бить боярских, – ответил Николка, стряхивая с головы солому.

– За что же им такие пряники? – усмехнулся купец.

– Пряников у нас нет, – вставил Гришка.

– Ну, стало быть, сахарные леденцы! – купец пытался оставаться серьёзным.

– Нет леденцов у нас, дяденька! – ответил Гришка.

– Так значит, изюм с мёдом! – развел руки в стороны купец.

– Это только на Рождество, дяденька, – сказал Николка, – а вчера бабка Алёна подавала пироги с грибами.

Купец сделал сожалеющее лицо и посмотрел по сторонам. Несколько зевак собрались вокруг и посмеивались.

– Значит, боярским достанутся пироги с грибами? – переспросил купец.

– С грибами! – весело кивнул Гришка.

От разразившегося хохота рыжая вздрогнула, зеваки широко заулыбались, купец дёрнул вожжи и поехал дальше, продолжая растворять уличную скуку добродушным хохотом.

– Почему купец смеялся? – смотрел ему вслед Гришка.

– Чуй, рыжая голова, купец пироги с грибами любит?

– Любит, поэтому толстый, как сом.

– Я люблю, а не толстый!

– Ты костлявый, как окунь! – засмеялся Гришка.

– А, ты колючий, как ёрш! – ответил Николка.

Они начали было опять толкаться, да Николка вспомнил:

– Ладно, рыбицу продашь? Дед Степан наказывал.

– Под соломой глянь. Два сударика по пять кило. Батя ска-
зал семь копеек просить.

– Дед дал только пять!

– Бери! Две копейки после отдашь...

– Отдам... – и Николка поволок по снегу судаков, связан-
ных суконной верёвкой.

Сани миновали околотки и пригород Симбирска и по кру-
тому спуску сползли к приземистым избам Успенской слобо-
ды, притороченным к подножию берега залубеневшей Вол-
ги.

– Тпру... – Гришка остановил лошадь во дворе некази-
стого сруба, потемневшего от времени, но сейчас приукра-
шенного снегом, и казавшегося гришкиной душе каким-то
сказочным теремком, от которого исходил тёплый пряный
дух, подсказывая мальчишке, что здесь он сможет сытно от-
кушать мамкиных горячих пирогов.

Гришкина мать с ухватом в руках стояла у печи и гляде-
ла на румяный глиняный горшок, томящийся на багряных
углях.

– Прилетел, ясный соколик! – улыбнулась она сыну. –
Дверь-то прикрывай плотнее, ветер гулеванил по сеням.

– Чуй, мамка, был я в городе, дьяку Онуфрию рыбицу от-

вёз.

– Что же, доволен был дьяк?

– Грозился, что воевода сердает – мало рыбицы возим в казну.

– Ох, ангелы небесные!

– Есть хочу, – Гришка косился на горшок в печи.

– Садись-ка к столу, милоч!.. Эй, девицы-красавицы, забирайтесь на лавку, кашу-малашу кушать будем, – крикнула она гришкиным сестрёнкам. Те играли в тряпочные куклы в углу на большой укладке.

Две девочки-погодки лет семи-восьми в длинных домо-тканых платьях и овчинных безрукавках мигом спрыгнули с сундука да к столу.

– Я рядом с Гришкой! – весело толкались и визжали они.

Гришка положил на стол пять копеек:

– Николке судариков продал.

– Ох, ангелы небесные, работник ты мой ненаглядный! – мать с нежностью погладила Гришку по голове.

Глава 4

Тем временем во дворе дома симбирского воеводы был большой переполох. А учинил его дьяк Онуфрий.

– Погубили отпрыска дворянского, Фёдора Кузьмича! – гнусаво голосил дьяк.

На шум сбежались служилые люди. На широкое крыльцо вышел воевода окольный Иван Богданович Милославский. Он в спешке накинул на шёлковую рубаху только узкий длиннополый кафтан да надел бобровую шапку.

– По какой причине народ гоношишь, Онуфрий? – проба-сил воевода.

– Подданных ваших обижают!

– Кого же обидели? – тот оглаживал свою окладистую бороду.

– Фёдора Кузьмича, племянника вашего, – подобострастно ответил дьяк.

Воевода насторожился:

– Что с Фёдором случилось?

– Побили его крепко, – ехидно ответил дьяк.

– Кто ж посмел? – нахмурил воевода густые брови.

Дьяк хитро сощурился:

– Известно, кто у нас зачинает драки да бунты, – тягловые людишки!

– Не юли, Онуфрий! – рявкнул воевода.

– Сказываю, воевода-боярин, как на духу. Прислал ко мне нынче старшой Кузьма с Успенской слободы Гришку своего малого с рыбой для сдачи в казну. Накинулся тот Гришка на Фёдора Кузьмича, да поколотил шибко. Живой ли он, не ведомо мне. Как началось сие побоище, так я как пёс с докладом к вашей боярской справедливости явился.

Воевода перестал оглаживать бороду, бросил недоумённый взгляд на жалобщика:

– Какая же причина была у Гришки?

– Причину надо спрашивать с его отца.

В это самое время из-за гарнизонной конюшни выскочила

ватага дворянских детей во главе с весёлым Фёдором. Воевода улыбнулся:

– Дьяк у места, что кошка у теста. Привиделось тебе чего, Онуфрий?

– Побил малец Гришка Фёдора, мои стрельцы видали, – сказал сотник.

– Драка честная была?

– Впятером на одного, воевода, – ответил военачальник.

– Так бы наши ратные люди бились с разбойным войском атамана Стеньки Разина... Сотник! Проверить караулы!

Служилый люд стал расходиться, воевода направился было в дом, да дьяк остановил:

– Постой, боярин Иван Богданович, дело государственное!

– Что не так, Онуфрий?

– Виноватого к ответу не призвали.

– Какой спрос с мальчика?

– Гришка дерзок. На дворянского отпрыска руку поднял!

– Гришка – храбрец!

– Наказать надо его отца – Кузьму.

– Кто ж так решил?

– У меня с Кузьмой старые счёты.

– А у меня всё по закону, Онуфрий.

Дьяк прищурил глаза:

– Ежели безнаказанным оставить это дело, так завтра нас побьют, Иван Богданович! Сам ты, воевода-боярин, вспом-

нил Стеньку Разина.

– Дело говоришь, Онуфрий.

– Поблажку чёрному люду давать нельзя!

Воевода помедлил и ответил:

– Передай губному старосте мой приказ: пускай спросит Кузьме.

– Слушаюсь, воевода-барин! – дьяк поклонился ниже пояса, скрывая довольную усмешку.

Глава 5

На Масленицу Гришка с друзьями сладили под горой большую соломенную куклу, надели поверх старый рваный кафтан и холщовый платок и весь день пропадали на соборной площади: катались на снежных горках и качелях, бегали за расписными санями богатых горожан, таскали с уличных столов сладкие яства.

К вечеру Гришка вернулся домой весёлый, уставший и голодный. За столом сидела вся его семья: отец, мать, старший брат Ерёмка и две сестрёнки. Кроме них были седой дед Василий и чернобородый дядя Пахом.

Как только Гришка ввалился в избу, все обернулись. Он подскочил к столу и с жадностью схватил блин, густо обмазанный мёдом.

- Где до темени томашился, Гришка? – спросил отец.
- С Николкой катался на боярских санях.
- Кто же разрешил?
- Боярин.
- Бреешь, – усмехнулся Ерёмка.
- Чуй, еловая голова, Мишка – сын боярский – позвал нас в сани!
- Ну!
- А то! Сани расписные, сукном покрыты.
- Отчего же Мишка был таким добрым?

– Сдружились мы с ним за вчера.

– Ох, ангелы небесные, как же ты, соколик мой, с боярскими дружбу завёл?

– А так, мамка, они поколотить меня грозились, так я их одолел.

– А Мишка?

– Он не лез в драку, шапку мне подал.

– Кому же досталось?

– Фёдке толстому и досталось.

– Ну!

– А то! Он первым полез.

– Что ж сразу про это не поведал?

– А то и не поведал, мамка, что не спрашивали.

– Вот чертяга, весь в батю, – сказал дед Василий.

– Кто ж видал ваше побоище?

– Тонявый дьяк Онуфрий.

– Разнял драчунов?

– Нет... Как увидал Фёдку на снегу, так утёк за конюшни.

– Брешешь! Тебя что ль испугался?

– А то! – Гришка широко улыбнулся.

– Кузьма, детишкам спать пора, – прервал разговор дед Василий.

За слюдяными окошками избы почернело. Отец встал, зажёл новую лучину, прогнал детвору на печь, а сам опять к столу. Дед Василий продолжил вполголоса:

– Слышь, Кузьма, конюх-то боярский верно говорил.

– Ну!

– Сказывал, что Гришка поколотил Фёдора – племянника воеводы.

– Что ж с того?

– Воевода с тебя спросит за побитого племянника.

– Воевода – боярин справедливый! – ответил Кузьма.

– Дьяк наговорил воеводе с три короба! Воевода дал указ тебе допрос учинить.

– Не беда.

– Кузьма! Кто на допрос к губному старосте попадёт, ба-тогов получит исправно, – добавил дед Василий.

– Стерплю!

– Эх, Кузьма, дьяк добьётся – нещадно бить будут.

– Ой-ли!

– Перо страшно не у гусака, а у дьяка. Засудят!

– Сеньку с Ямской слободы за пять алтын били нещадно.

– Ох, ангелы небесные, что делать нам, грешным?

– Нечем платить долгу – беги на Волгу! – мотнул головой дед Василий.

– Послушай меня, Кузьма, – придвинулся ближе Пахом, – в казаки надо податься – на вольный Дон.

– Ох, ангелы небесные, худое говоришь, Пахом.

– Я сам надумал в казаки!.. Завтра ухожу. Барин мне спуску не даёт, бьёт за всякую малость. Пошли со мной, Кузьма.

– Дело предлагает Пахом, – добавил дед Василий.

– Что я в казаках делать стану? Саблю в руках не держал.

– Научат, Кузьма.

– Ждут ли нас?

– Атаман Стенька Разин всю голытьбу с радостью принимает, – ответил дед Василий.

– Сказывай, дед, всё, что знаешь про Разина!

– Не торопи, ночь длинная, расскажу, что вспомню...

Глава 6

Гришка не спал, ворочался от жары. Смотрел в угол избы на большие тени. Они казались невиданными животными: то замирали в забавных позах, то набрасывались друг на друга, размахивая то ли ручищами, то ли крыльями, которые вырастали у них на плечах и головах. О чём говорили и спорили эти тени, Гришка не понимал. Когда же одна странная тень заговорила голосом деда Василия и стала рассказывать про лихого атамана, Гришка замер и прислушался.

– Так вот, родные, слушайте! Живёт на Дону смелый и удалой казак Степан Разин. С малолетства держит Степан в руках саблю, запрягает коня и лихо садится в седло. Он богатырского сложения и необычайной силы – подкову враз разгибает. Как ветер скачет он на чёрном коне. Удаль молодецкая не даёт молодцу дома сидеть: раздолья донской степи мало этому истому казаку. Ходит он с лихим войском на Волгу и в Персию. Ни острый клинок, ни пуля его не берёт. Заговорённый он от смерти. Так молва донесла сказ о Стеньке Разине...

– Огонь гаснет, отец!

– Мать, где косарь? Лучину новую срежу.

– Где ж ему быть? Подле печки...

Кузьма взял большой острый нож, срезал с сухого полена длинную тонкую щепку и вдел её в железный светец. Лу-

чина разожглась, ярко освещая лица слушателей. Василий продолжил:

– Отец Степана Разина слыл смелым донским атаманом. Правду говорят или брешут, но будто захватил он в походе у Азова молодую турчанку. Стала она его женой. У неё родилось три сына, среднего нарекли Степаном. От отца достались Степану небывалая удаля и казачье везение. Выучил он турецкий, татарский и калмыцкий языки, баяют¹⁰, что и другие знает. Боевое крещение Степан получил в разбойных походах против турецких войск под Азовом. Когда ему было 33 года, он командовал отрядом казаков и ходил в большой поход с запорожцами и калмыками на крымского хана. Вернулся с богатыми трофеями¹¹. Всё раздал казачьей бедноте. Стал Степан Разин в донском войске известным казаком.

– Каков же Степан Разин с виду-то?

– Не томи, дед!

– Говорят, широк в костях, кудри смоляные, брови как углём нарисованы!.. Глаза ястребиные, лицо в шадринках, густая стриженная борода!.. Кафтан персидский нитями золотыми прошитый, жемчугами и камнями драгоценными украшен, сабля узорчатая. Взором приманит – не отпустит, всю душу твою высмотрит, да если хитрость и лесть подметит, сверкнёт страшными глазами да медным голосом пе-

¹⁰ Баять – говорить.

¹¹ Трофеи – вооружение и имущество противника, захваченное победителем в ходе боевых действий.

ревернёт все твои печёнки!

– Ох, ангелы небесные, куда же ты, Пахом, Кузьму моего отсылаешь?

– Не причитай, мать! Не обижает Степан Разин бедный люд!

– Ох, ангелы небесные! Хватит страху нагонять. Спою вам потихоньку, сердце смягчится.

Изба наполнилась низким певучим голосом:

А схватились удалые да в охабочку,
Да по-мужицки они, по-деревенски же
Бьются день они, да другой денёк,
Сила силушку к земле-матушке
Пригибает низ да как травушку...

В избе стемнело. Кузьма зажёл новую лучину. Гришку одолевала дрема; матушкин голос привычно убаюкивал. Таинственные тени замерли, ветер задувал в слюдяные окошки. Пламя колыхнулось, тени двинулись; Гришка погружался в крепкий сон. Ему казалось, что кто-то прискакал к их избе. Гришка вышел во двор и увидел на белом коне огромного богатыря с чёрной бородой в ярком кафтане с золотыми пуговицами. У богатыря из тёмных глаз сыпались искры. Он кивнул Гришке и позвал своей ручищей сесть в седло. Гришка оглянулся, а избы-то нет! Вокруг боярские дети смеются над ним: он босой и в одной рубахе стоит по колено в

снегу. Тогда Гришка кинулся было к богатырю, да снег глубокий выбил его из сил. Гришка упал в сугроб и не может подняться...

Глава 7

На Нижнем Дону к середине марта лёд почти сошёл. Холодная река текла полноводно, замирая на излучинах и протоках. Сырое марево струилось над берегами, сгущалось в перелесках и растворялось в журавлином крике над бескрайними степями. Терновник уже зацвёл, но по балкам и в низинах местами лежал тяжёлый синий снег.

С правого берега – где холмы подходили к самой воде – открывался вид на широкую пойму реки, на звонко-звучные донские просторы. Туда был устремлён взор Степана Разина. Он стоял на крутом берегу в окружении молодцеватых казаков. На них были дорогие парчовые кафтаны, широкие шёлковые шаровары и сафьяновые сапоги. На голове у лихого атамана красовалась высокая баранья шапка с самоцветами, за широким поясом с кистями – позолоченная сабля.

– Гей, други! Воля казацкая вокруг!

– Чуем, батько!

– Пора готовить челны¹². Плыть на Волгу!

– Что задумала твоя светлая головушка, атаман?

– А соберём нынче круг¹³, да вместе решим, есаулы.

– Добре, атаман.

¹² Челн – небольшая лодка, выдолбленная из ствола дерева

¹³ Круг (казацкий) – общий войсковой совет казаков, высший орган самоуправления.

Казачи отошли от берега к лошадям. Атаман остался в одиночестве, призадумался, глянул в небеса, увидел диких уток, да крикнул им:

– Гей, утки! Гей, не-е-бо-о!

Громовой голос всколыхнул донские берега. Над рекой поднялись казарки и вместе с раскатистым эхом понеслись прочь в белесые дали.

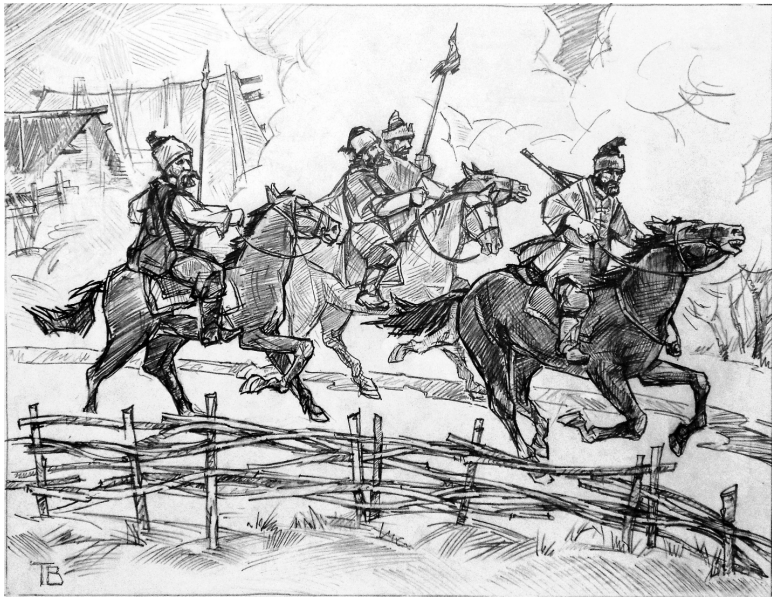
– Эх, други! Мне бы крылья, умчался бы в степную высь! – сказал атаман, вскакивая в седло.

– Нас хочешь бросить, батько? – засмеялись есаулы.

– Когда бояр да воевод посудим и дадим народу волю казачью, тогда улечу, соколы мои!

– Добре, батько, мы с тобой!

– Гей, други! Го-о! – атаман стегнул плетью и погнал своего коня. Грива конская мельтешит, топот копыт раздаётся, будто стучит сердце донского берега...

На юге в сизой дымке скрывались светлые крыши казацкого поселения – Кагальницкого городка, обнесённого деревянным тыном¹⁴. Вдоль плетня журчала талая вода, пробивалась зелень сабельника, клейкая ольха распускала почки.

Верховые казаки миновали дозор, невысокие сторожевые башни, казацкие курени¹⁵, построенные без какого-то видимого плана, и спешили возле дома атамана. Казацкая вольница гудела и шумела, как птичий базар. Проснулся военный

¹⁴ Тын – забор.

¹⁵ Курень – жилой дом в казацких станицах.

казачий стан. У крайнего куреня казачий круг слушал байки старого казака о былых походах, все курили и дружно смеялись, вызывая зависть соседей. Те чистили ружья и тёрли до блеска клинки, другие громко спорили, тыча друг другу длинноствольные пистолеты, чернёные серебром: «Смотри, бобровая голова, у моего пистоля рукоять вся узорчата...» Кто-то сушил одежду, кто-то острой саблей брил чужой затылок. Где-то дымились костры, от реки ползли телеги с бочками, расплёскивая воду, на берегах лежали челны, гуляли лошади, стелился белесый туман.

Степан Разин зашёл в дом и сел на лавку. Следом ввалились есаулы. Он оглядел всех: Иван Черноярец, Федька Шелудяк, Лазарь, Наум, Петра-казак. С ними не раз бывал он в боевых походах.

– К обеду соберём войсковой круг, други, – сказал атаман.

– Ждём, батько!

– Эй, брат Фрол, где моя жёнка ненаглядная!

Рядом с атаманом по правую руку сидел казак, очень похожий на него, немного моложе, да в плечах уже.

– Здесь она, брат Степан!

Из-за шёлковой персидской занавески вышла с кувшином чернобровая смуглая казачка:

– Где мой сокол ясноглазый летал?

– Кружил по донским берегам, жёнка любимая!

– Что ж твои глаза ясные высмотрели?

– В новый поход атаман кличет, – ответил за брата Фрол.

- Так кликнул, берега вздрогнули, – засмеялись есаулы.
- Засиделся, видать, в родных степях!
- Подавай, жёнка, угощенье на стол!
- За здоровье лихого батьки-атамана!
- Гей, други, вволю наешься, а вволю не наживёшься!
- Спляшем, батько!

Козаки повытаскивали сабли, развязали кушаки, поснимали кафтаны да вприсядку, да в пляс: цветные сапоги мелькают, красные шаровары по хате кружат. Стол – в угол, лавки – вон: атаман по кругу юлой, золочёной шашкой воздух режет – берегись!..

Пыль поднялась до потолка, а казакам задор да веселье. Станичная изба ходуном пошла. Вся округа слышит – атаман праздник начинает!

Глава 8

В полдень Степан Разин огласил казачий городок громовым голосом:

– Гей, казаки, сходишь в круг!

Подбежал в одной рубахе молодой казачок с большим медным тулумбасом¹⁶, ударил деревянной битой по тугой коже: «Бух-бух- бух!», точно из пушки:

– Выходи на майдан¹⁷, атаман кличет!

Степан Разин набил трубку турецким табаком, раскурил, выпустил молочное кольцо дыма, замер, выпустил ещё:

– Эй, брат Фрол, надевай кафтан, пора новый поход объявлять!

Собрался круг: празднично одетые есаулы, выборные казаки, казачки со стариками. Стояли без шапок, в знак уважения к большому собранию. Вышел молодой есаул с плёткой в руке, спросил:

– Все ли вольные хлопцы сошли в круг?

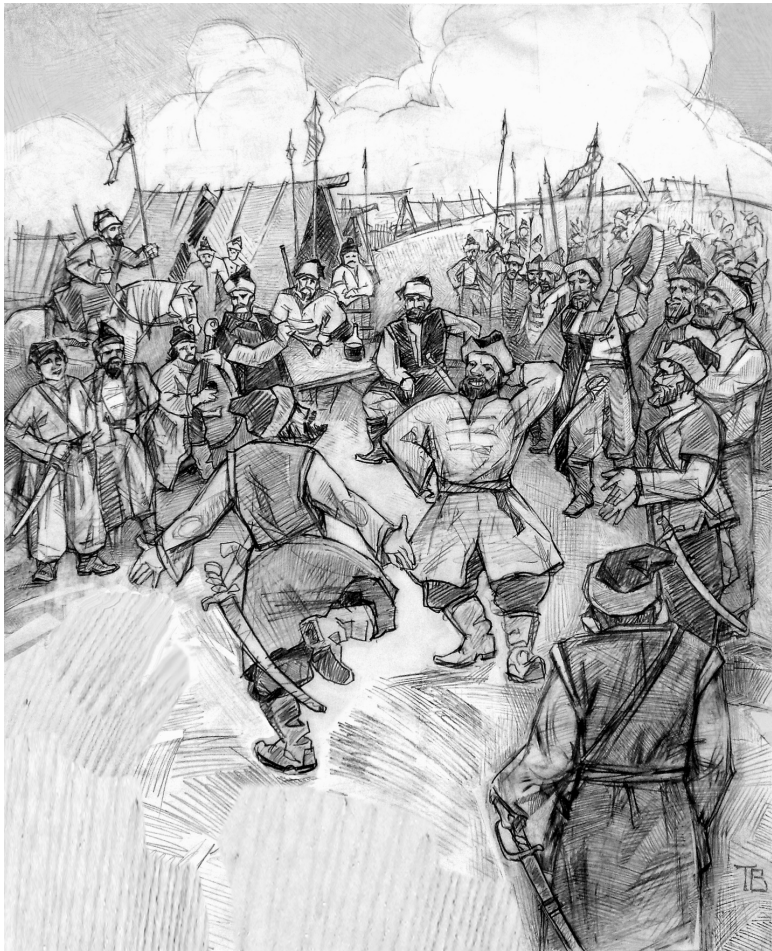
– Все тут!.. Будем слушать нашего батьку! – посыпались одобрительные голоса.

Степан Разин вышел в середину круга в синем персидском кафтане с золочёными пуговицами и жемчугами, за поясом

¹⁶ Тулумбас – ударный музыкальный инструмент.

¹⁷ Майдан – место собраний, сходов у казаков; станичный круг.

– турецкая сабля с драгоценными камнями, на ногах – красные сафьяновые сапоги с золотыми пряжками.

– Здорово, хлопцы!

– Здравствуй, батько-атаман! – разом выкрикнули казаки.

– По какому случаю собрал я нынче круг, хлопцы?

– Пировать будем, батько! – раздался весёлый голос, и во круг засмеялись.

– Эй, Петра, где пируют, там и бока вздуют! – ответил атаман, и весь круг разразился хохотом.

– Эй, батько-атаман, я хоть кривоног, да спляшу!

– Ах, Петра, говоришь красно!

– Хоть ростом мал, да в схваточку-то любого помну!

– Эй, Петра-казак, молодец!

Круг весело шумел. Молодой есаул поднял вверх плётку:

– Усмиряйтесь, казаки!

Степан Разин с теплом смотрел на свою дружину. Многие из них – известные драчуны и забияки в мирной жизни – не раз спасали своего атамана в военных походах. С детства он помнил слова своего отца Тимофея: «После рати¹⁸ все храбры, а истый казак только в бою проявится».

– Гей, други-соколики! – атаман обвёл взглядом казаков, и все смолкли. – Хаживал я со многими из вас на крымского хана да на турецких басурман, на персидского шаха да на астраханских бояр и купцов... Много добра добыли мы, много верных хлопцев не вернулось с ратных боёв. Стою перед вами в золочёной парче да в каменьях. Всё честно дуванили¹⁹, раздали семьям и бедноте, да заплатили домовитым

¹⁸ Рать – битва, сражение.

¹⁹ Дуванить – делить добычу.

казакам за оружие и коней. Главное же богатство осталось с нами! Наша казацкая воля! Хотим – пируем, хотим – идём в новый поход!

– Засиделись мы! – воскликнул Лазарь Тимофеев.

– Хотим, батько, в поход! – зашумел круг.

– Добре, соколики! На Волгу! На бояр и воевод!

– С тобой, батько, смерти не боимся!..

Степан Разин смотрел на удалые лица, кровь закипала в его жилах. Он скинул кафтан:

– Держи, Фрол! Эй, Петра-казак, выходи с атаманом в схватку!

– Загублю, батько, кто тогда на Волгу хлопчиков поведёт!

– Эй, Петра, – смеялись вокруг, – слово скажешь – не воротишь, ступай в круг, снимай рубаху!

– Эх, на людях и смерть красна! – коренастый казак вышел к атаману в одних шароварах.

– Вразумись, Петра! – смеялись вокруг. – Беги до дома, пока атаман рубаху сымает!

Взялись валить кто кого. Не сразу Степан Разин одолел соперника. Хоть и был он на полголовы выше, да жилистый казак так вцепился, что атаман долго не мог оторвать его от земли. «Держись, батько!» – рычал тот как зверь. «Го, Петра! Уж тебя помну немного», – сжал зубы атаман, приподнял казака и повалил.

– Кто ещё с атаманом сойдётся? – оглядел круг есаул.

Степан Разин смахнул со лба пот, помог подняться побии-

тому товарищу.

– Эх, Петра, гож казак!

– Батько, за победы казачьи пора чарки поднять! – весело сказал тот, обнимаясь с атаманом.

– Чарку с атаманом и мы поднимем, а бороться ни!

– Эй, казачки, сходишь в схватке, атаман награду жалует, – выкрикнул есаул. По традиции первыми стали мериться силой молодые казаки, а за ними все желающие. Веселье началось!

Атаман с есаулами ушёл в станичный курень. Стол был празднично накрыт. В центре – большое золочёное блюдо с рыбой. В серебряной посуде с восточным орнаментом дымилось свежее мясо. На треножнике – котёл с ухой. Персидские пиалы и кофейники-турки, деревянная посуда с дичью, глиняные горшки с узваром²⁰, серебряные енды²¹ с мёдом. Всё это изобилие утвари было добыто в боевых казачьих походах.

– Эй, други, весть о походе не должна утечь!

– Чуем, батько! Всем сказано помалкивать!

– Добре!.. Войско надо крепить!

– Слава твоя по всей Руси, атаман, люди идут к нам из донских городков.

²⁰ Узвар – прохладительный напиток из сухих фруктов и ягод, иногда с добавлением мёда.

²¹ Енда – низкий ковшеобразный сосуд с одной или двумя ручками (из меди, серебра, дерева) для разливания или коллективного питья кваса, браги, пива за столом большой семьей. Изготавливалась в виде лады, утки, гуся, петуха.

– Со всех сторон тянутся!

– Черкасы запорожские идут.

– Гулящих людей²² с Волги каждый день принимаем.

– Всех приму с распростёртыми объятями. Казны казацкой не жалею, Фрол, сабли и ружья всем справляю.

– Уже больше трёх тысяч войско собралось. Шалаши да землянки ладим. Казны не хватает: на пушки бережём. Оттого многие пришлые только вилами да топорами вооружены.

– А ну, кличьте кого с Волги!

Пришёл в избу огромный безбородый детина. Поклонился в пояс, атаман его спрашивает:

– Откуда, хлопец?

– С саратовского уезда, атаман-батюшко! Из кузнецов буду, Трофимом величать!

– От кого убёг, Трофим?

– Вот какое дело, атаман-батюшко! Убёг я от барина. Бил плёткой нещадно, еле жив остался!

– Такого оглоблей не убить! – посмеялись есаулы.

– Чем не угодил?

– Лошадь споткнулась под барином, а он меня обвинил, подкова, вишь, плоха...

– Какое ж тебе оружие дать, детинушка? – задумался ата-

²² Гулящие люди – общее название вольноотпущенных холопов, беглых крестьян, посадских людей и прочих лиц без определённых занятий и места жительства.

ман.

- Может, мне булаву железну, атаман-батько?
- Булаву? – от громового смеха чашки запрыгали на столе.
- Такой булавы ещё не отковали, молодец...
- Если только у Ильи Муромца одолжить, – продолжали

хохотать.

- Пушкарём будешь, Трофим, обучим.
- Ваша воля, атаман-батько!
- Много с Волги таких богатырей, батько, – сказали есаулы, посмеиваясь в сторону ушедшего молодца.
- Добре, други, зовите певцов и плясунов.

Пришёл седой казак с бандурой, защипнул струны, изба наполнилась сочными звуками, полилась песня:

Как по морю, морю синему,
По тому морю, по Каспийскому
Завиднелась в море лодочка.
Не простая лодка, разъездна-косна;
Хорошохонько лодка изукрашена,
Бурсын, жемчугом лодка изунизана,
Молодцами лодка изусажена.
На корме-то сидел Есаул с рулём
А в носу сидел Атаман с ружьём.
Посреди лодки – золота казна,
На златой казне лежит цветно платице,
На цветном платье сидит красна девица,

Есаулушке она – сестра родная,
Атаманушке – полюбовница.
Как сидит она, слёзно плачет;
Атаманушка плакать уговаривал:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Мы поедем с тобой в твою землюшку,
В твою землюшку, к отцу, к матери».

Глава 9

Масленичная неделя была в самом разгаре. С высоты сторожевой башни симбирского кремля караульные стрельцы следили, как к дому воеводы семенил дьяк Онуфрий:

– Спешит к нашему воеводе на праздничный обед.

– На незваного гостя не припасена и ложка. Ставлю пятиалтынный, Онуфрий с доносом торопится.

Дьяк поднялся на узорчатый рундук²³, зашёл в дом, покрестился на образа и писклявым голосом с укоризной обратился к воеводе:

– Беда, боярин Иван Богданович!

– Что ныне стряслось, Онуфрий?

– Стеношные бои²⁴ завтра затеваются на свияжском льду!

– Кулачными боями издревле народ на Руси потешался, дьяк Онуфрий.

– Церковь наша православная, Иван Богданович, против этих бесовских потех.

– Известно мне о том, дьяк... Да забава та полезная для

²³ Рундук – в русском деревянном зодчестве площадка крыльца, пристроенного к дому.

²⁴ Стеношные бои – бои стенка на стенку – старинная русская народная забава. Заключается в кулачной схватке двух линий («стенки») между собой. В стеношном бою участвуют лица мужского пола от 16 до 60 лет. Количество участников варьируется от 10—15 до нескольких сотен человек. Наиболее массовые бои стенка на стенку устраиваются на Масленицу.

крепости мужицкой. Сам я по молодости стенка на стенку хаживал.

– Москва, слышал я, не жалует этих забав.

– Известно мне и это, Онуфрий, да сквозь пальцы на то смотрит златоглавая.

– Побьют друг друга до смерти.

– Ты, дьяк, видать, сам кулаками не размахивал, и тебя никто не угощал.

– Спаси и сохрани меня, Господи, грешного!

– Удаль-то русская рвётся наружу! Пусть народ в кулачных боях потешается, чем со Стенькой Разиным разбойничает.

– Ох, воля ваша, воевода-боярин.

– Дам я указ губному старосте присмотреть за порядком. А ты, Онуфрий, не ко мне бегай, а за казной зорче гляди...

Караульные на сторожевой башне видели, как Онуфрий понуро сошёл с крыльца:

– Уж назад вострит.

– Накормить, не накормили дьяка, а укорить, видать, укорили!..

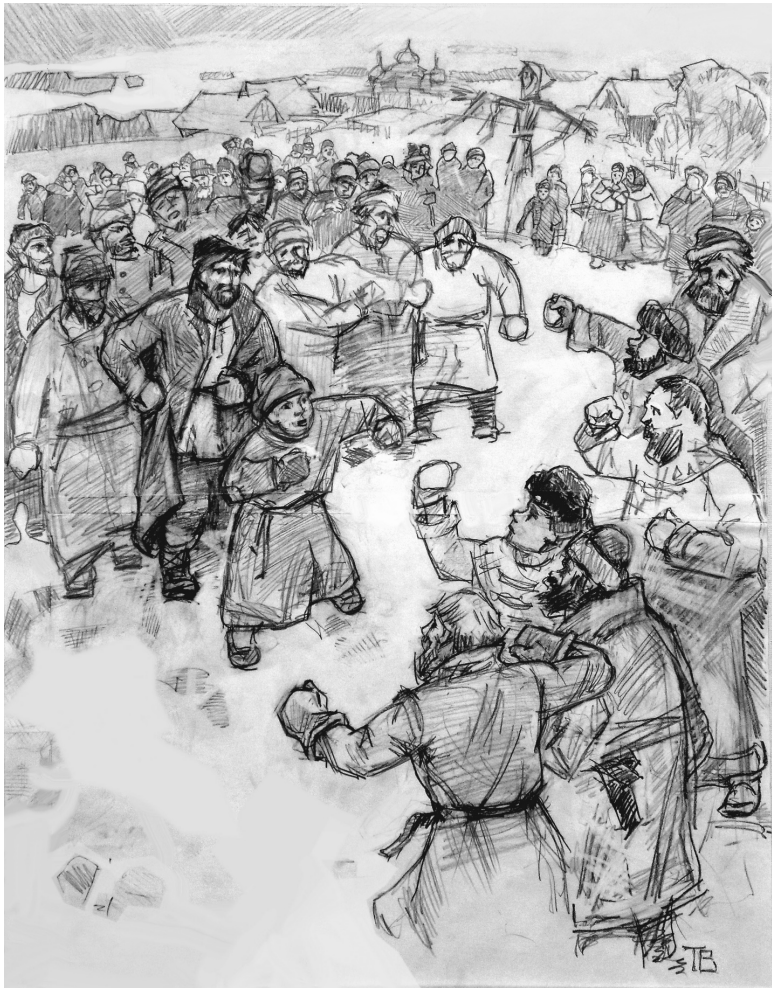
На следующий день, в масленичный четверг, на Свяге собирался праздный народ поглазеть на весёлое побоище. Толпился на берегу всякий люд – городские и посадские – смеялись да хохотали, толкались да приплясывали. Ходили ряженные, играли на свистульках парни, девки с лотками торговали сладостями и соломенными куклами, проезжали на

санях купцы и дородные горожане. Посредине неширокой речки на крепком льду оживлённо галдели две разделённые меж собой толпы крепких мужичков и разудалых подростков. Посадские нахлобучивали толстые шапки из овчины, надевали полушубки и меховые рукавицы. Старший назидательно учил: «Всем заодно, ребятки! В согласном стаде и волк не страшен».

В толпе городских охотников до кулачного боя – шапки всё бобровые, рукавицы кожаные, кафтаны добротные.

Староста науськивал: «Окружай, братцы, и бей в бока... В одиночку не одолеть!.. Кто в засаде, не спать!»

– Эй, родные, ушибу, не встанешь! – призывно орал толстый купец в шубе, подбадривая посадских. Те угрожающе поднимали кулаки и вперевалочку, будто разбуженные медведи, притоптывали да выкрикивали угрозы в сторону соперников. Городские не отставали: «Берегись, деревня! Побьём жиденских!»

То из одной, то из другой гудящей толпы выскакивали мальчишки и дразнили друг друга. От посадских застрельщиками выступали Гришка и Николка. С городскими были Фёдор и Мишка.

– Эй, выходи, побью! – угрожал Николка.

– Зашибу, не замечу! – выкрикнул Фёдор.

– Эй, сунься, нос расквашу! – кричал Гришка.

Мальчишки бросились в драку и колотили друг друга. Фёдор схватился с Гришкой. Николка с другими подростками. Мишка получил по лбу, отчего присел и очумело замотал головой.

Взрослые с обеих сторон выстроились в стенку и начали сближаться. Разгорячённые, они нетерпеливо топали ногами и воинственно размахивали руками. Раздалась команда вожаков: «Лежачего не бьём!.. Сходись! Даёшь боя!» Свяжскую округу потряс рёв и топот! Гришка, размазывая рукавицей по лицу кровь, поспешно пятился, но увидел Мишку, который не соображал, куда бежать. Гришка бросился к нему, схватил за рукав и потащил сквозь бегущую толпу.

Все смешались в одну оглушительную ораву – и страшную, и весёлую одновременно. Мужики колотили друг друга кулаками.

Гришка стоял в стороне рядом со своими противниками. Ни у кого никакой злобы и в помине не было. Фёдор сказал:

– Спасибо за Мишку!

– Ладно! – ответил Гришка, утирая всё ещё идущую из

носа кровь.

Чем закончится бой, и кто одержит верх, подросткам было не так важно. Их переполняла гордостью, что они сами дрались и не уступали ни в чём друг другу.

– Гришка, ты был в Москве? – спросил Мишка.

– Слышал только.

– Я тебе привезу оттуда картинку. На Пасху поеду к тётке.

– Привези, – ответил Гришка с довольной улыбкой, толкая Мишку плечом...

Глава 10

В апреле ясным днём царь Великий князь Алексей Михайлович был на соколиной охоте на Девичьем поле. Он слыл страстным охотником. Царские сокола держались на потешных дворах под Москвой. Их количество было невероятно велико – не менее трёх тысяч птиц каждый день кормили отборным мясом.

Солнце в этот день грело радостно – по-весеннему; снег низинами ещё лежал, речки уже вскрывались ото льда и разливались в поймах, ожидая настоящего тепла, чтобы уступить место луговому разнотравью. Охота как всегда была многолюдной, шумной, весёлой. В этот раз царь Алексей Михайлович кроме сокольников, придворных и бояр пригласил иностранных послов и путешественников. Наряды, в которые были одеты охотники и гости, поражали роскошью: цветные кафтаны с вышитыми на груди двуглавыми орлами, окантованные золотой вязью; шапки из бархата и соболей; сапоги с загнутыми носками. На спинах сокольников развевались на ветру цветные ленты из шёлка. Лошади украшены позолоченной бахромой с кистями. Вся эта разноцветная конница, скачущая по полю, издали походила на гигантскую сказочную царь-птицу, которая вот-вот взлетит над землёй.

– Великий государь Алексей Михайлович, – обратился к царю старший урядник, приструнивая своего коня, – кажись,

серые цапли прилетели.

Все остановились. Царь всматривался в прозрачную лазурь весеннего неба, где, плавно размахивая широкими крыльями, летела длинношеяя птица.

– Молодцом, урядник! Будет славная охота! – Алексей Михайлович снял клобучок²⁵ с головы крупного кречета, который сидел у него на руке. Ударили барабаны, послышались призывные крики, залаяли собаки.

– Ай, мой красавец, Иван Грозный, – Алексей Михайлович снял с птичьих лап кожаное кольцо с ремешком, богато украшенное серебром и жемчужинами. На лапах кречета остались маленькие серебряные бубенчики.

Каждой птице Алексей Михайлович давал имя. Этот большой сокол получил царское имя из-за своего особенно острого и кривого клюва.

– Государь, с Богом! – напутствовал урядник.

– Возьми! Гой! Гой! – царь поднял руку, напуская сокола на добычу.

Зазвенели бубенчики, уносясь с хищной птицей высоко в поднебесье.

– Хорошая ставка, – сказал урядник, провожая птицу взглядом.

– Иван Грозный – редкий охотник! Подарок польского короля, – Алексей Михайлович неотрывно следил за полетом любимого кречета.

²⁵ Клобучок – колпачок, надеваемый на голову ловчим птицам.

Сокол поднялся так высоко, что стал едва приметной точкой. На мгновение он застыл в воздухе.

– Замер! – прошептал урядник.

– Взгоняй, сейчас падёт! – закричал царь.

– Падё-от!

Урядник сделал рукой знак: застучали барабаны, раздались ружейные выстрелы, охотников охватил необыкновенный азарт, со всех сторон слышались возгласы и крики. Алексей Михайлович стегнул коня и помчался вперёд, не отрывая глаз от сокола. Топот копыт, лай собак, которые кинулись вперёд всей кавалькады, смешались в какой-то невероятный воинственный гул. Сокол, замерев на мгновение, начал падать вниз и стремглав кинулся сверху на свою добычу, ударил её крепкими когтями и отлетел в сторону, наблюдая за падающей цаплей и кружа вокруг нее до самой земли.

Когда приблизились охотники, сокол стерёг добычу, вцепившись в нее когтями. Урядник остановился, призывая остальных к тому же:

– Государь, чую я – с полверсты справа, в той синей низине, стая куропаток.

– Взгоняй!.. Гони собак! Напускать всем! – приказал разгорячённый царь и нетерпеливо поднял руку. К нему подбежали сокольники с шестом, на котором сидели соколы. Царь выбрал белого кречета и поскакал вслед за собаками. За ним устремилась вся пёстрая свита.

Над полем взвилась большая стая куропаток. Раздался

барабанный бой, крики, выстрелы, задорное ржанье коней. Первым взлетел белый кречет, следом ещё несколько. Охота была в полном разгаре: летали перья, кружили птицы, звенели колокольчики.

Алексей Михайлович пребывал в прекрасном настроении: охота, действительно, захватила всех.

Когда подсчитали добычу, вокруг царя собралась вся свита. Все восхищались его охотничьим искусством. Он надел на белого сокола кожаную шапочку:

– Ах, Соловей-разбойник, хорош! В Фомино воскресенье пойдём в угон на зайца.

– Великий государь, вот голландский посол в необычайном, говорит, удивлении от вашей сноровки и ловкости, – сказал боярин Матвеев. – Да и я не менее восхищён!

– Что ж сам-то, Артамон, от птицы шарахаешься, как от литовского посольства?

– Меня, государь, в какую службу сунешь, в ту и полезу, хоть с немчинами договариваться, хоть с персиянами. А с птицей договориться – познаний не хватает.

– То ведомо царю, Артамон! Сокол – птица вольная! Не велик, а грозен!

– Вот, государь, этот соколик – истинный Стенька Разин.

– Что вспомнил казачьего разбойника?

– А то, великий государь, воеводы пишут – бегут к нему простолюдины с Волги на Дон.

– То ведомо царю! Сами ж воеводы виновны. Разворовы-

вают царскую казну, а спрос чинят с чёрного люда.

Боярин виновато потупил глаза. Царь в сердцах махнул рукой:

– Шли гонца в царские палаты! Пир устрою по случаю удачной охоты.

– Твоя светлая воля, великий государь! – поклонился боярин.

Глава 11

Царь Алексей Михайлович ближе к Москве становился всё сумрачнее. Государственные дела, забытые на охоте, теперь теснились в его голове, наводя туск на светлые царские очи. В марте царь отпраздновал свой сорок первый день рождения. Он был крепкого телосложения, белолиц, румян и темно-рус. Большие широко расставленные добрые глаза и красивая окладистая борода выдавали в нём человека большой русской души.

Стоит сказать, что вступил на трон Алексей Михайлович в 16 лет. Сознывая своё царское самодержавное величие, окружал себя блеском и великолепием. Московский двор содержал в прекрасном порядке и русской самобытной красоте, что ему завидовали многие европейские послы.

Царь Алексей Михайлович отличался тёплым участием к людям, милосердием к нищим, но принципиальной строгостью к виновным. С пяти лет он обучался грамоте, письму и церковному пению. Не боялся перемен и нововведений в русском государстве. Видимо, этими мыслями и был сейчас озабочен царь.

– Великий государь, царь-батюшка Алексей Михайлович, – отвлѣк царя от тяжѣлых дум урядник. – Воззрите царскими очами в небеса!

Царь в задумчивости вскинул голову, да шапка стала сва-

ливаться с головы. Он её подхватил, но со стороны кому-то показалось, что царь шапку снял по какой-то важной надобности. Все вокруг тоже снимали шапки и задрали головы вверх. Над ними в вышине парила большая птица.

– Белохвостый орёл! – воскликнул оживившийся Алексей Михайлович. – Царь-птица!

Казалось, орёл, застывший в воздухе, был нарисован кистью живописца на янтарно-голубом стяге, развёрнутом во весь небосвод.

– Слава нашему государю, великому князю, благословенному Алексею Михайловичу! – выкрикнул боярин Матвеев. Раздались дружные хвалебные восклицания, и вся праздничная кавалькада продолжила путь.

– Хороший знак, великий государь! – сказал Матвеев.

– То ведомо царю! – ответил подобревший царь.

Наблюдал ли парящий орёл описанную сцену, то не ведомо нам. С уверенностью можно живописать ту картину, которая сейчас открывалась с высоты птичьего полёта.

На широких равнинах, среди бескрайних полей и лесов, холмов и рек, убегающих за синие горизонты, приютились деревеньки и сёла, избы да церквушки, теремки и колокольни, будто растерянные небесами гранёные камешки. А вдали, в звенящем хрустале весеннего воздуха, открывался привлекательный вид на Москву, величественный город на холмах, окружённый глубоким рвом, деревянными стенами и башнями. За укреплениями раскинулись пригородные по-

стройки: дома и церкви, торговые лавки и конюшенные дворы, улицы и площади. Выше всех, подпирая небо, вознёсся островерхими башнями и золотыми куполами кремль, построенный из кирпича и камня. На семь вёрст вокруг кремля каменная стена. Амбразуры в стене наклонные, и невозможно никому подобраться незамеченным.

Стоит приблизиться, как оглушит округу предупредительный выстрел:

– Стой, сатана! Стрелять начну!

За кремлёвскими стенами – царский дворец с чешуйчатыми крышами, изящными башенками, сказочными крыльцами и причудливыми окнами.

На приёме у царя по случаю доброй охоты во дворце играли бубны и литавры, трубили трубы, гостей поили рейнскими винами. Когда рассаживались за стол, поднялся спор между двумя боярами. Каждый считал себя вправе из-за старшинства и знатности рода сидеть ближе к царю.

– Хоть царь мне велит голову отсечь, а мне не на своём месте ниже других бояр не сидеть, – раздавался голос.

– Отсеку, Афанасий Лаврентьевич, ежели будешь в присутствии иностранных послов торговаться, как баба в хлебной лавке! – назидал царь.

– Отсеки ему прямо с бородою вместе, государь! – нападал на обидчика второй боярин.

– Обоим отсеку, Богдан Матвеевич! – утихомирил царь.

– Жаль мне свою головушку! Сяду, где укажешь, государь.

– То-то, боярин! Ты лучше скажи, Богдан Матвеевич, что у нас в оружейном приказе делается.

– По твоему указу, светлый государь, ружья и сабли куём день и ночь для рейтарских и драгунских полков, и для парадных, и наградные тож изготавливаем.

– Добрые ружья, боярин?

– Умельцы есть на Руси, государь, не хуже английских.

– То ведомо мне... Вот что, Богдан Матвеевич, по царской милости пожертвуй наградные ружья моему уряднику и сокольникам, что нынче со мной на охоте рядом были.

– Слушаюсь, светлый государь Алексей Михайлович.

– Теперь ты поведай нам, Афанасий Лаврентьевич, что на судоверфи? – продолжил царь.

– Корабли строим, великий государь. Первый российский парусный корабль спущен на воду в прошлом году.

– «Орёл»?

– По вашему величайшему указу, государь, был назван этот трёхмачтовый флагман. На всех корабельных флагах нашиты изображения орла.

– То ведомо царю. Сколь пушек на корабле?

– Пушек будет двадцать две, государь. Капитан – голландец Бутлер, матросы все голландцы.

– Куда ж корабль приписан?

– К Астрахани, государь. Охраняет морские границы от Каспийских берегов до речных путей на Волге. Если Стенька Разин опять сунется на своих стругах, то «Орёл» встретит

разбойное войско.

– Отошлите царские грамоты воеводам в волжские города да на Нижний Дон нашему верному атаману Войска Донского Корниле Яковлеву, чтоб не позволял казакам разбоичинить. Отвечать перед царём будут головой.

– Слушаюсь, великий государь Алексей Михайлович.

Глава 12

В эти самые апрельские дни войско Степана Разина отправилось вверх по реке в Паншин городок, где Дон и Волга подходили близко друг к другу. Всего десятки вёрст разделяли две большие реки, и древние охотники называли это место Переволоком. Туда-то и шла берегом с Нижнего Дона огромная конница Степана Разина, по реке на вёслах плыли челны и струги с порохом и пушками. Туда же привёл атаман Васька Ус свою разбойную ватагу и объединился с казацким войском. Со всей округи стекался бедный люд, желающий поучаствовать в разбое, и уже было семь тысяч беглых крестьян и казаков.

Степан Разин собрал на речном острове, где было военное казацкое поселение, новый круг.

– Гей, хлопцы! Завтра выступаем! Идём на Волгу, под Царицын город!

– Дело, атаман-батя, давно не сверкали боевые клинки!

– С нами знаменитый Васька Ус со своими соколами!

– Знаем его... Смелый казак!

– Ходили с ним под Воронеж и Тулу, грабили бояр и помещиков.

– Добре, хлопцы!.. Теперь вместе погуляем. До Волги по степи два дня ходу! Идём конями и обозами, челны и струги волоком тащим.

– Где коза прошла, там казак пройдёт, атаман!

– Добре, соколы!

Вышел есаул, отдал команду:

– Готовься к походу, сухари суши, кашу вари, сабли точи!..

Дон притих: лишь в камышах изредка плеснётся бобёр, да вдали хлопнет крыльями бекас или утка. Донская часовня – деревянный сруб, перекрытый двухскатной крышей с маковкой и крестом – безмолвным силуэтом растворилась в вечерних сумерках.

Стенька Разин с есаулами сидел у костра.

– Монах из пришлых прочитал молитву за удачу в походе, батько!

– Добре, Петра! Кроме удачи нам бы добыть ещё коней и челнов.

– Добудем, атаман! На Волге под Царицыным пасут коней калмыки и татары.

– Пришли к нам тайно, батько, царицынские мужики, говорить желают.

– Зовите хлопцев.

У костра присели несколько человек, сняли шапки, поздоровались.

– Ждут тебя, атаман-батько, в городе.

– Что думает царицынский воевода?

– Воевода Тургенев город не сдаст, а стрельцов мало, половина на нашей стороне будет. Пушек, которые палить мо-

гут, всего пяток. Воевода жаден, нас жмёт, казну набивает, запаса воды в городе мало, хлеба тож нехватка будет.

– Добре, хлопцы, возвращайтесь и ждите вскорости моё войско. Всем говорите, за царя идёт Степан Разин, но против бояр да воевод, которые не дают простому народу жить вольно!

– Сказано-сделано, атаман-батя!.. Поспешим.

Степан Разин призадумался. Васька Ус молвил:

– Думаю я, атаман, ударим с воды на судах и с суши конницей.

– Добре, Васька! Возьмём город, воеводой тебя посажу.

– Разживёмся золотишком, будут радоваться наши хлопцы.

– Слушайте меня, други-соколики! Наши деды сказывали, когда город Азов у турок отбили: «Не дорого нам серебро и золото, дорога нам слава вечная!»

– Эх, атаман, наши казаки не за славой пришли: за кафтанами боярскими да казной серебряной.

– Знаю, Васька! За обиды свои поквитаться народ хочет да пожить вольной казацкой жизнью.

– Верно, батя, поплясать да спеть в боярских кожаных сапожках!

– Гей, есаулы, затягивай песню!

Эх, гулял казачок да по донским степям,
Да в кафтанчике да подпоясанном,

Дева русая на скрипце посиживала,
Песню кручинную одинешенько пела...

Стенька Разин встал, развёл затёкшие плечи, взглянул в
ночное небо, украшенное ожерельем мерцающих звёзд.

– Гей, други, сколько наших хлопчиков ушли в небеса
буйных коней ловить!

– Не вернуть их, батько!

– Гей, Петра, казак ты бывалый... Сказывай нам, что там
на небесах?

– Ангелы там, батько, зажигают лампадки, как только
рождается человек, и гасят, когда умирает.

– Что ж одна лампадка яркая, а другие еле светят?

– Яркие у атаманов, батько!

– Где ж моя горит, Петра?

– То, батько, даже мне неведомо! – засмеялся казак.

– А что ж тебе ведомо, Петра?

– А то, батько, что на Волге много боярских лампадок за-
тушим.

– Добре сказано, Петра! Зови-ка бандуриста. Всё одно до
зари глаз не сомкнуть!

– Эх, вот это мне по душе!

– Гей, други, разбудим да всколыхнём Русь необъятную
от Каспийских морей до самой Москвы!..

Глава 13

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.